

Ершова Наталья Вячеславовна

**ТРАГИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ
М.А. ШОЛОХОВА И В.М. ШУКШИНА
(ПО РОМАНАМ «ТИХИЙ ДОН» И
«Я ПРИШЕЛ ДАТЬ ВАМ ВОЛЮ»)**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Диссертация выполнена на кафедре русской литературы
Липецкого государственного педагогического университета

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Сатарова Людмила Георгиевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Зверева Лидия Ивановна
кандидат филологических наук, доцент
Стопченко Николай Иванович

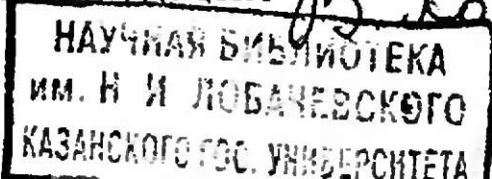
Ведущая организация: Воронежский государственный университет

Защита состоится «24» Май 2002 г. в 10 часов на
заседании диссертационного совета Д 212.059.01 по присуждению ученой
степени доктора филологических наук в Елецком государственном
университете им. И.А. Бунина по адресу: 399770, Липецкая область,
г. Елец, ул. Ленина, 91

С диссертацией можно ознакомиться в научном отделе библиотеки
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина по адресу:
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 38.

Автореферат разослан «20» апрель 2002 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент *В. Колодко* В.М. Колодко



Общая характеристика работы

Роман М.А. Шолохова «Тихий Дон» постоянно находится в поле зрения исследователей литературы. Однако осмысление проблемы трагического в нем остается насущной задачей современного шолоховедения. В советскую эпоху появился ряд основательных трудов, посвященных изучению этого аспекта творчества писателя. Здесь следует указать на работы А. Хватова, Ф.Бирюкова, В. Петелина, Л. Ершова, П. Палиевского, М. Кургинян, Е. Костина и других. Но изменения, произошедшие за последнее десятилетие в духовно-нравственной жизни общества, обусловили перемены и в литературоведческой науке. Современные исследователи, преодолевая ограниченность социологического подхода, последовательно обосновывают приоритет духовных начал в русской литературе советского периода, которая имеет «немало православного (в облике непорочности земными благами, бескорыстия, самопожертвования, идеала любви и семьи и прочего) – во всяком случае, гораздо больше, чем в блистательной словесности начала века»¹. Именно в этом направлении с опорой на философское наследие русских мыслителей XIX – XX веков в диссертации предпринята попытка сопоставительного анализа романов М.А. Шолохова «Тихий Дон» и В.М. Шукшина «Я пришел дать вам волю».

Начиная с Аристотеля, категория трагического получала различные трактовки в разные исторические эпохи. Русский взгляд на проблему определяется традицией рассматривать бытийные вопросы через призму христианского мироощущения. Устойчивый интерес к проблеме Абсолютного становится точкой отсчета в понимании трагического, в изображении исканий русской души, оказавшейся перед выбором: «Христос или гадаринская бездна» (о.С. Булгаков). Тогда все заблуждения человека рассматриваются как удаление от изначальной идеи Бога; тогда и человек (или литературный герой) становится понятным самому себе только в противопоставлении конечного и бесконечного, временного и

¹ Непомнящий В.С. Русская литература: истоки и рубежи// Русская литература XX в. – М., 1999. – С. 546.

вечного. Б. Вышеславцев определял трагическое как «столкновение Савла и Павла в единой душе человеческой», т.е. «столкновение воли человеческой с волей Бога»¹. Судьба всякого трагизма и страдания, по его мнению, таинственно сближает нас с крестом и Голгофой. Подобная трактовка трагического представляется наиболее адекватной при анализе произведений русской литературы, в частности, трагических судеб героев шолоховского и шукшинского романов.

Рассмотрением творческих связей М.А. Шолохова и В.М. Шукшина занимался ряд исследователей (Н. Стопченко, В. Сигов, Г. Павлюков, Ю. Андрианов, В. Апухтина, И. Яковлева, Е. Вертлиб, Д. Филатова и другие). Многие из них отмечают, что тема осмысления духовных основ народной жизни является ключевой для М.А. Шолохова и В.М. Шукшина. Образы Степана Разина и Григория Мелехова являются главными в их творчестве. При этом, выявляя общность народных героев–правдоискателей, следует подчеркнуть новаторство В.М. Шукшина в изображении Степана Разина. В.М. Шукшин отмечал: «Он – национальный герой, и об этом, как ни странно, надо «забыть». Надо освободиться от «колдовского» щемящего взора его, который страшит и манит через века. Надо, по возможности, суметь «отнять» у него прекрасные легенды и оставить человека»². Такой подход не мог опираться на творчество предшественников В.М. Шукшина: А. Чапыгина или С. Злобина, которые поэтизировали Разина; он повлек за собой осмысление иной традиции – шолоховской эпопеи о казачестве.

В литературоведении недостаточно изученным остается своеобразие философской мысли, духовно-нравственных аспектов содержания романа «Я пришел дать вам волю» в сопоставлении с трагическими исканиями главного героя «Тихого Дона».

Все сказанное определяет актуальность диссертационного исследования. И М.А. Шолохова, и В.М. Шукшина интересуют философско-религиозный смысл русской истории, истоки ее

¹ Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. – М., 1994. – С. 105.

² Шукшин В.М. Собр. соч.: В 5 тт. Т.V. – М., 1996. – С. 175. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской цифрой).

катастрофичности, трагические характеры, проблема выбора человека и народа в «смутное» время. Переживаемая нами эпоха перекликается с теми моментами в развитии русской культуры, когда было особенно важно сохранить истинные духовные ориентиры, без которых невозможно само существование русского народа и его наиболее дееспособной и организованной части – донского казачества.

Целью данной диссертации является сопоставительный анализ романов М.А. Шолохова «Тихий Дон» и «Я пришел дать вам волю» В.М. Шукшина под знаком общности и различия решения в них проблемы трагического героя. При этом в качестве исходных избираются позиции в отечественном литературоведении, сформировавшиеся в 90-е годы XX века. Здесь имеются в виду труды исследователей, которые вписывают творчество М.А. Шолохова и В.М. Шукшина в контекст национальной духовной культуры.

Данная цель определила следующие **задачи** исследования:

- 1) дать анализ категории трагического, исходя из тенденций развития современного шолоховедения;
- 2) рассмотреть судьбы Григория Мелехова и Евгения Листницкого как героев-антиподов, учитывая, что трагическое в романе проявляет себя в системе оппозиций;
- 3) выявить влияние шолоховских традиций на шукшинский роман в изображении разинского мятежа как духовного заблуждения казачества;
- 4) истолковать трагедию Степана Разина в контексте истории России и традиционных ценностей русской культуры.

Объектом исследования предстают романы М.А. Шолохова «Тихий Дон» и «Я пришел дать вам волю» В.М. Шукшина, созданные в разные историко-литературные эпохи. М.А. Шолохов изображает трагические изломы в судьбе донского казачества, опираясь на горячий исторический материал. В.М. Шукшин исследовал современность через призму хронологически удаленных событий.

Предметом исследования является категория трагического в романах М.А. Шолохова и В.М. Шукшина.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в работе впервые в центре исследования находятся судьбы главных героев

романов М.А. Шолохова и В.М. Шукшина, их трагедии рассматриваются в широком культурно-историческом контексте, позволяющем глубже и основательнее понять выбор человека в «смутное» время как в XVII веке, так и в начале XX столетия. На материале романов о казачестве в работе представлена целостная картина творческих связей М.А. Шолохова и В.М. Шукшина, выявлено их отношение к проблеме соответствия жизненного пути героев поиску Истины, высшего смысла бытия. В диссертации впервые исследуется своеволие как источник трагического в судьбах Григория Мелехова, Евгения Листницкого и Степана Разина. В работе впервые прослеживается влияние М.А. Шолохова на создание В.М. Шукшиным художественного образа исторической эпохи XVII века.

Методологической основой диссертации являются работы В. Кожина, Ф. Кузнецова, Ф. Бирюкова, Ю. Круглова, И. Есаулова, М. Дунаева, В.Непомнящего, В. Захарова, Е. Троицкого, Ю. Сохрякова, П. Паламарчука, В. Катасонова, Л. Казина, С. Бочарова и др., определившие атмосферу литературоведческого поиска 90-х годов XX века. Исследование ведется с учетом трудов русских философов: С. Булгакова, И. Ильина, Н. Лосского, Б. Вышеславцева, Н.Бердяева, Е. Трубецкого и их последователей, развивавших метод философско-религиозной интерпретации художественных текстов. В процессе литературоведческого анализа использовались сравнительно-исторический и функционально-типологический методы.

Теоретическая значимость работы состоит в изучении закономерностей развития литературного процесса XX века, уточнении его преемственных связей, открывающих перспективы дальнейшего исследования вопросов поэтики романов М.А. Шолохова и В.М. Шукшина на основе отказа от социологических схем, возвращения к темам, сюжетам, этике Евангелия. Романы М.А. Шолохова и В.М. Шукшина рассматриваются в русле христианской антропологии и аксиологии, что позволяет воссоздать единое духовное пространство русской литературы, выявить общие доминанты художественного мышления писателей. Подход, предложенный в диссертации, дает системное представление о развитии русской

литературы XX века, которая продолжала традиции духовно-нравственного осмысления человека и мира.

Практическое значение результатов диссертационного исследования определяется возможностью их использования при подготовке вузовских лекционных курсов по истории русской литературы, спецкурсов по изучению творчества М.А. Шолохова, В.М. Шукшина, спецсеминаров по культуре казачества. Они могут быть учтены при планировании школьного курса литературы в классах гуманитарного профиля.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были изложены в докладах на научно-практических конференциях, посвященных памяти Е.П. Барышникова (Липецк, 1998, 1999, 2000, 2001 гг.); Межрегиональной научной конференции «Наследие А.С. Пушкина в контексте современной эпохи» (Воронеж, ВГУ, 1999 г.); Международной научной конференции «А.С. Пушкин и мировая культура» (Липецк, 1999 г.); VII Всероссийская конференция «Русская школа как система воспитания и образования» (Москва, 2000 г.); Всероссийской конференции «Творчество М. Шолохова в контексте русской литературы XX в.» (Москва, 2000); XXVI Международных Толстовских чтениях (Тула, 2000 г.); Международной Шолоховской конференции «М.А. Шолохов в современном мире» (Москва, 2001 г.); Всероссийской конференции «Русская литература и философия: Постижение человека» (Липецк, 2001 г.).

Важнейшие положения диссертации освещены в восьми статьях и тезисах, опубликованных в межвузовских сборниках и кафедральных трудах ЛГПУ.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Наследие русских религиозных философов позволило дать новую трактовку трагического героя в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон». Судьба Мелехова осмысливается как путь к покаянию, смирению, как несение креста, «восхождение на Голгофу, отрицательное Откровение».
2. Трагическое в романе М.А. Шолохова связано не только с образом Григория, автором представлено несколько вариантов трагических судеб. Наиболее ярким является контраст героев-антиподов – Григория Мелехова и Евгения Листницкого,

тяготеющих к двум полюсам духовной жизни казачества: соборности и индивидуализму.

3. В.М. Шукшин, опираясь на шолоховские традиции в романе «Тихий Дон», продолжает художественно исследовать метафизику своеволия в романе «Я пришел дать вам волю». Выбор человека и народа в эпоху «смуты», не соотносимый с высшими ценностями бытия, приводит восставших разинцев к трагедии духовного заблуждения, когда утрачивается способность различать добро и зло. Попытка устроить справедливое общество путем насильственного оказачивания Руси дает разрушительный результат.

4. Судьба Степана Разина созвучна шолоховскому Григорию Мелехову. И Разин, и Мелехов не ищут личного благополучия, богатства, славы. Это – нравственные максималисты, взыскующие Правды – Истины. Но, в отличие от Григория, Степан Разин отрицает опыт духовной традиции на пути к ней. Анафема, провозглашенная ему Церковью, – диагноз болезни души и призыв к покаянию, который не был услышан героем В.М. Шукшина. Сущность его трагедии – в богоборчестве, пагубном своеволии, которое ввергло казачество в борьбу с православным государством.

Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии, включающей в себя 322 названия. Объем диссертации – 179 страниц.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются цель и задачи исследования, методологические основы диссертации, раскрывается степень изученности указанной проблемы, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

В первой главе работы «Григорий Мелехов и Евгений Листницкий как герои-антиподы» рассматривается судьба Григория Мелехова в оценке современной критики, анализируется своеволие как источник трагического в судьбе героя, сущность трагедии Листницкого интерпретируется как торжество философии индивидуализма.

В истории шолоховедения несколько концепций трагического сменяли друг друга. Взгляд на Мелехова как «отщепенца» уступил

место позиции «исторического заблуждения». Затем рядом исследователей был сделан акцент на «очаровании человека» в герое, которое не изменяет ему до конца повествования. Рассмотрение трагедии Григория Мелехова как гуманиста в 90-е годы XX века сменилось тенденцией исследования нравственно-религиозной проблематики романа с методологической опорой на труды русских философов. Это привело к необходимости существенно иного подхода к осмыслению «Тихого Дона», что отразилось в работах В. Кожина, С. Семанова, Л. Сатаровой, В. Лаврова, А. Дырдина, Ю. Юдина и др.

Образ Григория Мелехова относится к числу вечных созданий литературы. Его трагедия наиболее рельефно выступает в соотнесении с другими персонажами романа. В исследованиях прошлых лет Мелехов часто сопоставлялся с Кошевым. Это, безусловно, оправдано. Революционная одержимость Кошевого, его жестокость, насилие и фанатизм противопоставлены Мелехову-гуманисту, до конца отстаивающему в бесчеловечных обстоятельствах войны христианские принципы отношения к ближнему. В данной работе судьба Мелехова рассмотрена в сопоставлении с образом Евгения Листницкого, трагический смысл которого подчеркивает обреченность белогвардейского движения.

Личный и социальный план судьбы Мелехова неразрывно переплетены между собою, их необходимо рассматривать в единстве. Если бы в его трагедии были виноваты только революция и гражданская война, то главный герой романа был бы жертвой обстоятельств. Но М.А. Шолохов показывает, что идея переделки мира, его революционного переустройства исходит от самого казака. И начинается крушение основ бытия с разрушения фундамента общественного устройства – семьи. Именно в этом микромире человеческих отношений воля героев начинает играть определяющую роль. Любовь Григория к замужней женщине заставляет его послушаться отца, сделать соседа личным врагом, разорвать союз с законной женой и, наконец, выйти из казачьей общины, податься в батраки. При этом на второй план начинает отодвигаться сам смысл казачьего существования – служба в армии. Уход Мелехова в батраки – это уже революция в миниатюре.

Разрушение семьи – малой Церкви – проецируется на распад государства – большой семьи. Венчание с Натальей, которое воспринимается героем как формальный обряд, перекликается с эпизодом принятия присяги; герой не сознает высокого, мистического смысла происходящего. Более того, в его сознании неотступно пребывает Аксинья, связь с нею осмысливается как главная жизненная ценность.

Таким образом, выстраивается некая цепочка духовно значимых фактов биографии Мелехова, которая представляет собой схему «отпадения» от традиции. Сначала, проявив свою волю, герой послушался отца. Затем в госпитале, после знакомства с идеями Гаранжи, неповиновением он оскорбил особу царской фамилии. В 1915 году казаки-фронтовики – в их числе и Григорий – своей волей «отменили» уже Небесного Бога и Отца, т.е. Православную веру, что повлекло за собой все последующие нестроения.

«Правда» Гаранжи, «правда» Подтелкова, позиция сепаратиста Изварина – все они основаны на горделивом стремлении человека устроить жизнь на земле как подобие Царствия Небесного, но без Бога, без высшего смысла. При этом ставка делается на некие дремлющие, не востребуемые силы в самом человеке, на стихийную первооснову человеческой природы. Григорию идеи социального переворота кажутся привлекательными, заманчивой представляется жизнь в новом казачьем государстве после революции, которое не будет зависеть от России и проводить самостоятельную политику. Зловещим моментом сепаратистской утопии явилась скрытая в ней попытка расчленения России, что привело бы к крушению всех государственных институтов. Ведь не случайно оказачивание предполагалось проводить огнем и мечом.

В прошлом аналогичная попытка оказачивания всей Руси была предпринята Степаном Разиным. Думается, что М.А. Шолохов и В.М. Шукшин осознанно заостряют внимание на соблазне обустройства государства в соответствии с собственно человеческими, далеко не совершенными представлениями о порядке и справедливости. Искушение Мелехова идеей жизни «на особицу» уже не только в личном, семейном плане, но и общественном, государственном, представляется универсальной

моделью разрушения соборных начал русской жизни и торжества религии нового времени – человекобожия.

«Правда» Подтелкова лишена признания превосходства одного народа над другим, но она предполагает другой соблазн – обязательную правоту бедных, их право судить весь мир. И Мелехову она тоже оказывается близка. Однако расправа Подтелкова над чернецовцами убеждает героя в разительном несоответствии лозунгов большевиков и их конкретных дел. Нравственная оценка происходящего начинает играть в выборе Мелехова все более активную роль. Оставляя поле битвы, Григорий возвращается под крышу родного дома, чтобы на малой родине обрести духовную точку опоры, восстановить нравственное равновесие. Возвращение к законной жене, порядок в доме, семье ведут к медленному, но закономерному прозрению и в социальном плане. Именно чувство долга по отношению к Дону, семье и дому послужили основой для единственно верного вывода, сделанного Мелеховым о красных и белых: «ни те, ни эти не по совести».

Герой М.А. Шолохова выражает свою позицию на свойственном ему языке в открытом споре с коммунистами Татарского, в котором центральным является вопрос о воле. Мелехов здесь впервые по-новому оценивает понятие человеческой воли, ничем не ограниченной, как вседозволенность. Это показатель определенной степени его духовной зрелости, ибо раньше именно жизнь по своей воле ценилась им превыше всего. Теперь же, после революции, пожинаяются плоды безудержного человеческого своеволия. Простой казак Григорий Мелехов понял главное: «воли больше не надо», если казачество – и шире – человечество – хочет выжить, а не истребить само себя. Именно в этом моменте В.М. Шукшин, поставивший вопрос о воле и ее границах в центре романа о Степане Разине, перекликается с М.А. Шолоховым. Нравственно-философские искания народных героев М.А. Шолохова и В.М.Шукшина приводят к выводу о неразрывной связи свободной воли в человеке с Абсолютом, с Божественным Промыслом.

Трагическое противоречие в судьбе Мелехова заключается в том, что осознание преступности гражданского противостояния не привело героя к покаянию, признанию неправоты своего личного участия в кровавой междоусобице. Наоборот, две разочаровавшие

его утопические идеи сменяются третьей: войны Дона с Москвой. Своя воля по-прежнему остается источником трагического искривления судьбы героя. Заметим, что М.А. Шолохов как художник христианской ориентации повествует не только о значимости нравственных исканий Григория, не только о поисках им высшей правды – Истины, но и о пути к ней. Христос говорит о себе в Евангелии: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14 : 6). Таким образом, путь к Истине и сама Истина в христианской культуре неразрывно связаны; более того, только верно выбранный путь к Истине способствует ее познанию.

Кульминацией романа становится бой под Климовкой, в котором Мелехов четырежды нарушает заповедь: «Не убий». Но, погубив четырех матросов, Мелехов сознает, что совершил смертный грех, вопиющий к небу, в нем воскресает «внутренний человек», его совесть: «— Кого же рубил!..». Рубил он своих же, русских православных людей, с которыми, возможно, вместе сражался на фронтах первой мировой войны. После подобного «чудовищного просветления» автор возвращает своего героя к деду Гришаке, который ищет смысла в происходящем, опираясь на чтение Библии. В этом разговоре дед Гришака, как верующий человек, сразу определяет корень зла: «А через чего воюете? Сами не разумеете! По Божьему указанию все вершится»¹.

В толковании происходящего дедом Гришакой раскрыта духовная, религиозно-нравственная суть проблемы, связанной с трагедией Григория Мелехова. Дед Гришака видит истоки конфликта в противлении человека Божьей воле. Показательно, что в его рассуждениях в качестве Истины предстает не только библейская мудрость, но и определяется путь к ней. Это терпение скорбей на земле вместо взаимного истребления людей, что требует не меньшего, если не большего мужества, чем открытый бой с врагом. Образцом такого поведения явился путь Христа на Голгофу. И нельзя сказать, что Григорий остается равнодушен к вразумлению. В последующем разговоре с Натальей он признает собственную вину: «Неправильный у жизни ход, и может, и я в

¹ Шолохов М.А. Собр.соч.: В 8 тт. Т.3. – М., 1980.– С.252. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

этом виноватый» (3, 256). Примирение с Советами необходимо не потому, что правда на их стороне, а потому, что сражаться оружием с новой властью бессмысленно, необходимо духовное сопротивление. Отсюда и сама фраза о «неправильном ходе жизни» представляет собой скрытую цитату из Библии, где неоднократно указывается на гибельный исход неверно избранного пути.

Покидая банду Фомина, Мелехов в очередной раз отрицает насилие. Новая попытка устроить свою жизнь вместе с Аксиньей оказывается утопичной. Насилие, развязанное революцией, настигает и ее, причем в данном случае уже неважно, от рук красных или белых погибает казачка. Представляется знаменательным, что со своеволия Григория, полюбившего Аксинью, начинается роман и отсечением своеволия как итогом трагического пути Мелехова он заканчивается. Знаменательно также, что герой делает свой главный выбор – навсегда расстаться с оружием – после гибели от пули любимой женщины. В финальном выборе героя побеждает традиционная линия поведения, к которой был направлен его путь правдоискателя, выстраданный им до конца. Сам М.А. Шолохов придавал возвращению Мелехова в родной дом к детям без оружия, до амнистии, итоговый духовный смысл. То, что Григорий возвращается в родной дом накануне Пасхи, символично. Воскресению Богочеловека Иисуса Христа предшествовали его крестные страдания. В христианстве Истина и путь к ней предстают нераздельными. В окончательном выборе Григория добровольно, без оружия сдать врагу видится свет Евангельской правды, которая смысл жизни человека определяет как служение ближнему, доходящее до жертвенной любви. В данном случае Григорием это делается ради любви к детям. Таким образом, эволюция Мелехова может быть определена как путь от своеволия к смирению и покаянию, как путь преодоления своеволия.

В этом плане не менее интересна и судьба Евгения Листницкого, образ которого отмечен печатью двойственности. С одной стороны, это верный Престолу, Монарху, воин и верный делу чести дворянин. Его убеждения раскрываются в письме к отцу: «... хочется живого дела и <...> если хотите – подвига» (2, 23). С другой стороны, военные невзгоды, пережитые им в действующей армии, становятся для Листницкого оправданием его

безнравственного поведения. Боевое крещение Евгения вызвало к жизни философию, понимание которой он изложит после совершения им подлого поступка по отношению к Григорию и Аксинье: «С точки зрения честного человека – это подло, безнравственно... Я обворовал ближнего, но ведь там, на фронте, я рисковал жизнью <...> Мне все можно!» (2, 75). Удовлетворение желаний, устройство личного комфорта, удобства – высшее благо для него, пережившего смертельную опасность.

Из всех действующих лиц романа Листницкий первым высказывает мысль о возможности реформирования конституционной монархии. Но именно в его восприятии мы видим отъезд Николая II после отречения из Могилева в феврале 1917 года. Эпизод пронизан эсхатологическими предчувствиями. Перед нами проступает смысл свершившегося в религиозном, культурно-политическом и общественно-историческом планах. Образ Помазанника Божия подается в русле иконографического сюжета.

Личность императора в восприятии Евгения окружена мученическим ореолом, вся сцена пронизана глубоким авторским сочувствием, ибо после отречения Государя Россия стремительно покатила к анархии.

В таких условиях становится закономерным тот факт, что офицеры Четырнадцатого полка – монархисты по преимуществу – свои голоса отдали за республиканца Корнилова, за военную диктатуру. «Пусть Корнилов будет диктатором – для казачьих войск это спасение. При нем мы, может быть, будем даже лучше жить, чем при царе» (2, 85).

Но все усилия и Листницкого, и Корнилова терпят крах. Терпит поражение не только корниловский мятеж, белое движение, но и та система ценностей, на которой строилась его идеология. Гражданское противостояние уже накалялось в человеческих сердцах, ибо подтачивалась духовная опора русской жизни – Православие. Насилие стало началом, объединяющим большевика Бунчука и монархиста Листницкого, заявляющего: «... в будущих боях, в гражданской войне <...> понадобится верный казак. Надо биться и отвоевать его у комитетов, тяготеющих к большевикам. В этом кровная необходимость <...> В будущем придется вешать через одного, а то просто свалить всех... Сорную траву из поля

вон!» (2, 84). Так идея личной жертвы подменяется войной против соотечественников.

Для дворянства, формирование которого началось при первом императоре России, понятие сердечной христианской веры постепенно переходило из сферы практической жизни в область теоретических абстракций. Образ дворянина Евгения Листницкого показателен для русской литературы, в нем чувствуются отголоски типа «лишнего» человека. Подобные ему герои нравственно-этические вопросы решают, исходя из собственных представлений о жизни. Само понятие «Бог» и «Божественное» для них перестало быть категорией Абсолютного добра, следствием чего стало исчезновение смысла бытия. Поэтому итог жизни Листницкого закономерен — самоубийство. Абсолютизация человеческой самости, процесс распространения индивидуалистического, и как следствие — богоборческого мировоззрения, повсеместен. Все социальные слои вовлечены в него.

Трагедия Листницкого имеет прямое отношение к роману В. Шукшина о Разине, ибо он — воплощение дворянской культуры, детища Петра I, — наследует пороки боярского сословия. В романе В. Шукшина бунт Разина разгорелся как ответная реакция народа на притеснения боярских воевод. Бояре (Долгорукий, Прозоровский, Львов и др.) нарушили принцип любви к ближнему, в отношениях с соотечественниками проявляли презрение, жестокость, что повлекло за собой разделение сословий и желание мести. Князь Долгорукий казнил старшего брата Степана — Ивана Разина, Листницкий в романе М.А. Шолохова обидел не только Григория. Более того, Листницкий вместо личного покаяния вовлекается — вопреки своим монархическим убеждениям — в водоворот гражданской войны, преследуя утопическую цель — вернуть прежний порядок бытия, но без Царя, Божьего помазанника. В этом смысле Листницкий — такой же показательный герой «смуты», как и Григорий Мелехов, как и Степан Разин. Он в силу своей сословной принадлежности и личных качеств как бы соединяет две эпохи, изображенные в романах М.А. Шолохова и В.М. Шукшина.

Во второй главе «Шолоховские традиции в романе В.М. Шукшина «Я пришел дать вам волю» анализируется духовный феномен «смуты» и проблема выбора человека и народа

в «смутное» время; судьба Степана Разина рассматривается как трагедия духовного заблуждения.

Употребляя понятие «смута», необходимо уточнить сущность этого явления. По мнению митрополита Иоанна (Снычева), «смута» означает «утерю народом, обществом, государством согласного понимания высшего смысла своего существования»¹. В.М. Шукшин начинает роман о Разине с главного факта в духовной биографии героя: анафема констатирует «отпадение» от Церкви мятежного атамана.

В церковной службе имя Разина значится в одном ряду с Гришкой Отрепьевым, протопопом Аввакумом. Следует подчеркнуть, что само отлучение их совершается не в момент, когда о нем заявляет церковная иерархия, отлучение от Церкви – это диагноз болезни души, которая исцеляется покаянием.

С первых строк в романе определяющим становится духовное пространство православного мировосприятия; этот вектор художественной мысли В.М. Шукшина перекликается с началом романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». Оба автора в качестве основной избирают систему нравственных ценностей, которая неизменно базировалась на христианских основах народной жизни. И у М.А. Шолохова, и у В.М. Шукшина определена точка отсчета. Если у В.М. Шукшина анафема Разину символизирует распад соборного единства народа, то у М.А. Шолохова образ смуты, возникая в эпиграфах к роману до развития сюжета, постепенно утрачивает метафорическое значение, все более приобретая зримые, ощутимые черты реальной исторической трагедии.

Шукшинское повествование, как и шолоховский «Тихий Дон», имеет кольцевую композицию. «Жест» мелеховского двора уже многое говорит об его обитателях, о Григории. В этом «жесте» воплощен пафос вольности, внутренней целеустремленности»². В романе В.М. Шукшина таким «жестом» становится набат. Роман «Я пришел дать вам волю» открывает скорбная музыка набатного звона. И заканчивается роман тягостным набатом. По православной традиции в набат (его еще

¹ Иоанн (Снычев), митр. Русская симфония. – СПб, 1998. – С. 374.

² Кожин В.В. Победы и беды России. Русская культура как порождение истории. – М., 2000. – С. 272.

называли «всполох») звонили во время тревоги по случаю пожара, наводнения, мятежа, нашествия врагов или другого какого-нибудь бедствия. Набатный звон становится у В.М. Шукшина сигналом общего неблагополучия жизни: «Разлад на Руси, большой разлад. Сердцем чую» (V, 233). Сомнения мятущейся души Степана Разина созвучны исканиям В. Шукшина и его поколения, поэтому определяющим в романе о Разине является не хронологическая последовательность исторических фактов, а осмысление истории через отношение к событиям. Не случайно возникает образ народа, оказавшегося перед выбором. Перед ним, как и перед человеческими прародителями, как писал о. Сергей (Булгаков), два пути: послушания, сыновства и путь непокорности, путь исторической трагедии.

Идея бунта издавна тлеет в русской душе. В. М. Шукшину важно осмыслить проблему казачьей вольницы, духовных основ ее бытия. В этой связи не случайно название первой части романа – «Вольные казаки». Данная проблема, весьма актуальная и для шолоховской эпопеи, имеет у Шукшина более крупный масштаб: как жить Дону с Москвой? Острота отношений вольного казачества и центральной власти не уменьшается, оставаясь судьбоносной и в XVII веке, и в веке XX. От решения этого вопроса зависела судьба России. В этом единомышленны М.А. Шолохов и В.М. Шукшин, художественно исследующие конфликт двух типов государственного устройства: централизованного единовластия и правления Казачьего круга. Это противостояние внутри одной страны, среди единоверцев, усугубляет трагизм гражданской войны. Так, ненависть к боярам у Разина переносилась и на отношение к государству, и на Православную церковь. Степан Разин руководствовался правилом возмездия, ветхозаветной моралью.

Аналогичная ситуация возникла в период революции 1917 года, когда подвергалось последовательному уничтожению казачество Области войска Донского. Попытка Верхнедонского восстания воспрепятствовать этому лишь усугубляла междоусобицу. Бунт верхнедонских казаков нацелен на сохранение традиций прошлого. Бунт разинцев, напротив, огнем и мечом пытался оказачить Русь, взламывая основы государственной централизованной державности. Разинская свобода оборачивается

произволом, что отразилось в стремительном распространении насилия: в массовых казнях, в расправе над персиянкой и казаком Куприяном Солнцевым, в самоуправстве есаулов, которых Разин оставлял в занятых городах, и т.п.

Необходимо отметить, что стихийность, видимо, присуща характеру русского человека. Эту особенность подчеркивал С.Н. Булгаков: «В исторической душе русского народа всегда боролись заветы обители преп. Сергия и Запорожской Сечи или вольницы, наполнявшей полки самозванцев, Разина и Пугачева»¹. Русские бунты отличаются внутренней общностью, для них характерно духовное противоборство, неповиновение, самозаконничество. Философия насилия приводит к апологии жестокости, убийству ближнего из мести, что умножает в мире зло, а не уничтожает его. Герои В.М. Шукшина: Лазарь Тимофеев, «умный и жестокий есаул», призывающий казаков идти против бояр, и Степан Разин, утверждающий, что «свои хуже татар и турка», – очутились в плену дьявольской ловушки, в нравственном тупике.

Зловещими оказываются в романах В.М. Шукшина и М.А. Шолохова следующие предзнаменования: казнь Разинным стрельцов сменяется набегом татар, гражданское военное противостояние в начале XX века – интервенцией. Ответить на вопрос, в чем состоит трагический итог бунта, необходимо, анализируя сложные перипетии судьбы Разина в соотношении с традиционными ценностями русской культуры. Это позволит определить национальный тип философского и художественного сознания писателя и его героя.

В самом строении фразы: «Я пришел дать вам волю», – заложен антагонизм исконному на Руси православному идеалу. Автором высвечиваются противоречия жизненного пути Степана Разина: «то хождение в Соловки на богомолье, то через год – меньше – он самолично ломает через колено руки монахам и хулит Церковь» (V, 175). С одной стороны, в желании Разина сделать всех вольными казаками сквозит гордость и готовность применить любые средства для достижения цели. Но, с другой стороны, оставаясь бунтовщиком, он готов принести себя в жертву во имя

¹ Булгаков С.Н. Соч.: В 2-х тт. Т. II. – М., 1993.. – С. 342.

блага людей, поэтому «живет в благодарной памяти людской, в песне, в легенде» (V, 98).

Свобода выбора, отстаиваемая Степаном со свойственным ему максимализмом, ведет не к соблюдению требований нравственно необходимого закона, а открывает широкие возможности его нарушения. Самозванным лжемессионизмом Разин с каждым шагом отдалялся от христианского пути, становясь все больше бунтарем-богоборцем, лихим разбойником, чем просто удачливым атаманом донских казаков. Сакральная природа царской власти на Руси обуславливала религиозный характер политического преступления Разина, его самозванство.

Для Разина воля становится важнее высшей правды, причем именно своя воля: «Идите ко мне! Кто не пойдет – догоню дорогой и порублю» (IV, 352). В качестве свободы признается неограниченное своеволие, «в качестве дерзновения – дерзость, вместо мощи – разрушительный вандализм» (С.Н.Булгаков). Следствие этого – утрата душевного спокойствия; герой начинает метаться, страдать, переживая мучительные приступы бешенства, одержимости. «Он видел, он догадывался: дело, которое он взгромоздил на крови, часто невинной, дело – только отвернешься – рушится. Рассыпается прахом» (IV, 526). Нравственный произвол рождает в душе Степана тоску, но не раскаяние. Е. Трубецкой называет такой выбор «не христианским, а беспутным»¹. Свобода как вседозволенность обретает контуры беспринципности, переходящей в эгоцентризм и аморализм: «И молиться не буду – казнить буду!.. Осталось рубить. Рубить умею» (IV, 408). Благие замыслы Степана – заступиться за обиженных и «тряхнуть» бояр – оборачиваются трагедией.

И.А. Ильин в размышлениях о бунте Разина подчеркивал: «Обилие сил и неумение приложить их к настоящему делу; широкая натура и неспособность руководить ею; крепкая воля и неопределенная, часто случайная и вздорная цель – вот характер этого человека»². Позиция И.А. Ильина, безусловно, созвучна

¹ Трубецкой Е.Н. Избранное. – М., 1995. – С. 290.

² Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 тт. Т.9-10. – М., 1999. – С. 148.

шукшинской концепции. Нарушение законов православного государства, непризнание атамана Дона и крестного отца Корнея Яковлева, поругание церковных святынь (выстрел в Богородичную икону, рубка иконостаса, осквернение храма), нежелание покориться духовному авторитету митрополита Иосифа – это лишь некоторые эпизоды биографии мятежного Разина. Стремление Разина оказавшись Русь перерастает по мере раскручивания спирали насилия в трагедию человека, ослепленного гордыней, трагедию богопротивления. Как и в судьбе Григория Мелехова, своеволие Степана Разина является источником трагических противоречий в его жизни. В многочисленных диалогах о смысле бытия, о добре и зле, борьбе за правду Разин отстаивает свое, весьма несовершенное представление о справедливости, о должном и благом.

Духовное заблуждение Разина, в основе которого лежит произвольное представление о совести, «мужицком царе», «своем божестве», простирается до обращения за помощью к врагам России. Так, желание устроить равенство и справедливость на земле без высшего смысла оборачивается изменой Отечеству. Анафема зафиксировала духовную смерть Разина раньше физической гибели. И хотя стойкость его перед казнью вызывает восхищение В.М. Шукшина, Разин отверг выбор «блудного сына» и «благоразумного разбойника» из Евангелия, покаяния в его истинном, церковном смысле не произошло. Трагедия героя носит безысходный характер.

В заключении подводятся итоги работы.

За последние годы в шолоховедении и шукшиноведении сложилась база для исследования трагического содержания романов «Тихий Дон» и «Я пришел дать вам волю» в принципиально новом контексте христианской культуры. Этот подход наиболее адекватен предмету изображения, который находится в центре внимания М.А. Шолохова и В.М. Шукшина. Казачество изначально формировалось и развивалось как христоролюбивое воинство, на протяжении многих веков оно выполняло функцию «пограничников» Православия.

Концепция своеволия как пути исторической трагедии человечества является общей для романов М.А. Шолохова и В.М. Шукшина, они сближены родственным материалом, связанным с этническими особенностями донского края.

В.М. Шукшин развивает шолоховское понимание трагического, выведенное автором «Тихого Дона» на онтологический уровень. Трагизм бытия состоит в том, что человек обречен на выбор между добром и злом, но в эпохи «смуты» этот выбор осложняется метаниями между различными пониманиями добра и зла. Смятенность души героев стала главным предметом сострадательного внимания и исследования в творчестве М.А. Шолохова и В.М. Шукшина. Это относится и к Григорию Мелехову, и к Евгению Листницкому, и к Степану Разину.

В.М. Шукшин в раскрытии внутреннего мира Степана Разина наследует традиции, которые были заложены М.А. Шолоховым при изображении казака-правдоискателя. Общим для Мелехова и Разина является пренебрежение к материальным благам, равнодушие к личному успеху. Это герои, которые хотят осчастливить все человечество, ищут правду, которая бы изменила порядок бытия к лучшему. М.А. Шолохов поднял уровень нравственных исканий Мелехова до универсального смысла, его духовная эволюция завершилась обретением пути к Истине. Однако знать Истину и не следовать ей – еще одна грань трагического, которая объединяет героев М.А. Шолохова и В.М. Шукшина. Духовное заблуждение Разина и его сподвижников состояло в уверенности, что только отрицанием, разрушением, кровью и насилием можно уничтожить мировое зло.

Сущность трагедии Разина – в бунте против Божьего Промысла, в попытке разрушить систему нравственно-этических представлений о мире и человеке, которую на протяжении многих веков Церковь прививала русскому народу. Упразднив понятие греха, милости, сострадания, любви к ближнему, разинцы открыли такой простор злу, что оно многократно превысило несправедливость, против которой боролись казаки. Оригинальность В.М. Шукшина в подходе к разинской теме состояла в том, что факт анафемы героя Церковью он сделал центральным событием его биографии. Таким образом, В.М.Шукшин акцентировал свой интерес прежде всего на духовных, а не социальных первопричинах событий 300-летней давности.

М.А. Шолохов и В.М. Шукшин, представившие художественное исследование кризисных эпох в нашей истории,

наметили пути выхода из состояний смуты и безверия. Они находятся в русле возвращения «блудных сынов тихого Дона» к отеческим преданиям, которые основывались на христианской этике покаяния, смирения и всепрощения. При всем сочувствии В.М. Шукшина своему герою он показывает трагическую неразрешимость конфликта вне обращения к высшим ценностям бытия, которые принесло в сознание русского народа христианство.

Содержание работы отражено в следующих публикациях:

1. Ершова Н.В. Герой-индивидуалист в творчестве А.С. Пушкина и М.А.Шолохова // Материалы научно-практической конференции «Русская классика: проблемы интерпретации» (Барышниковские чтения). – Липецк, 1999. – С. 37 –45.
2. Ершова Н.В. Пушкин и Шолохов. К проблеме творческих связей // Акценты. Новое в журналистике и литературе. Альманах. Вып. 1-2 (12-13). – Воронеж: ВГУ, 1999. – С. 111 – 113.
3. Ершова Н.В. Григорий Мелехов: путь к правде // Материалы научно-практической конференции «Русская классика: проблемы интерпретации» (Барышниковские чтения). – Липецк, 2000. – С. 49 – 62.
4. Ершова Н.В. «Великое испытание войной» – нравственный выбор Андрея Соколова и Григория Мелехова («Судьба человека» и «Тихий Дон» М.А.Шолохова) // Слово и концептуальная модель мира в литературе о Великой Отечественной войне: материалы Всероссийской конференции. – Липецк, 2000. – С. 72-75.
5. Ершова Н.В. Жизнепонимание Дмитрия Оленина и Евгения Листницкого («Казачьи» Л.Н. Толстого и «Тихий Дон» М.А. Шолохова) // Толстовский сборник –2000. Материалы XXVI Международных Толстовских чтений: В 2-х частях. Ч.1. Л.Н. Толстой в движении эпох. – Тула, 2000. – С. 302-310.
6. Ершова Н.В. Трагедия Степана Разина (по роману В.М. Шукшина «Я пришел дать вам волю») // Материалы научно-практической конференции «Русская классика: проблемы интерпретации» (Барышниковские чтения).– Липецк, 2001. – С. 68-74.

7. Ершова Н.В. Евгений Листницкий и Григорий Мелехов как герои-антиподы // Шолоховские чтения. Вып.1. – М., 2001. – С. 62-77.
8. Ершова Н.В. Шолоховские традиции в романе В.М. Шукшина «Я пришел дать вам волю» (К проблеме творческих связей)//Шолоховские чтения. Вып.1. – М., 2001. – С. 77-93.

Н.В. Ершова